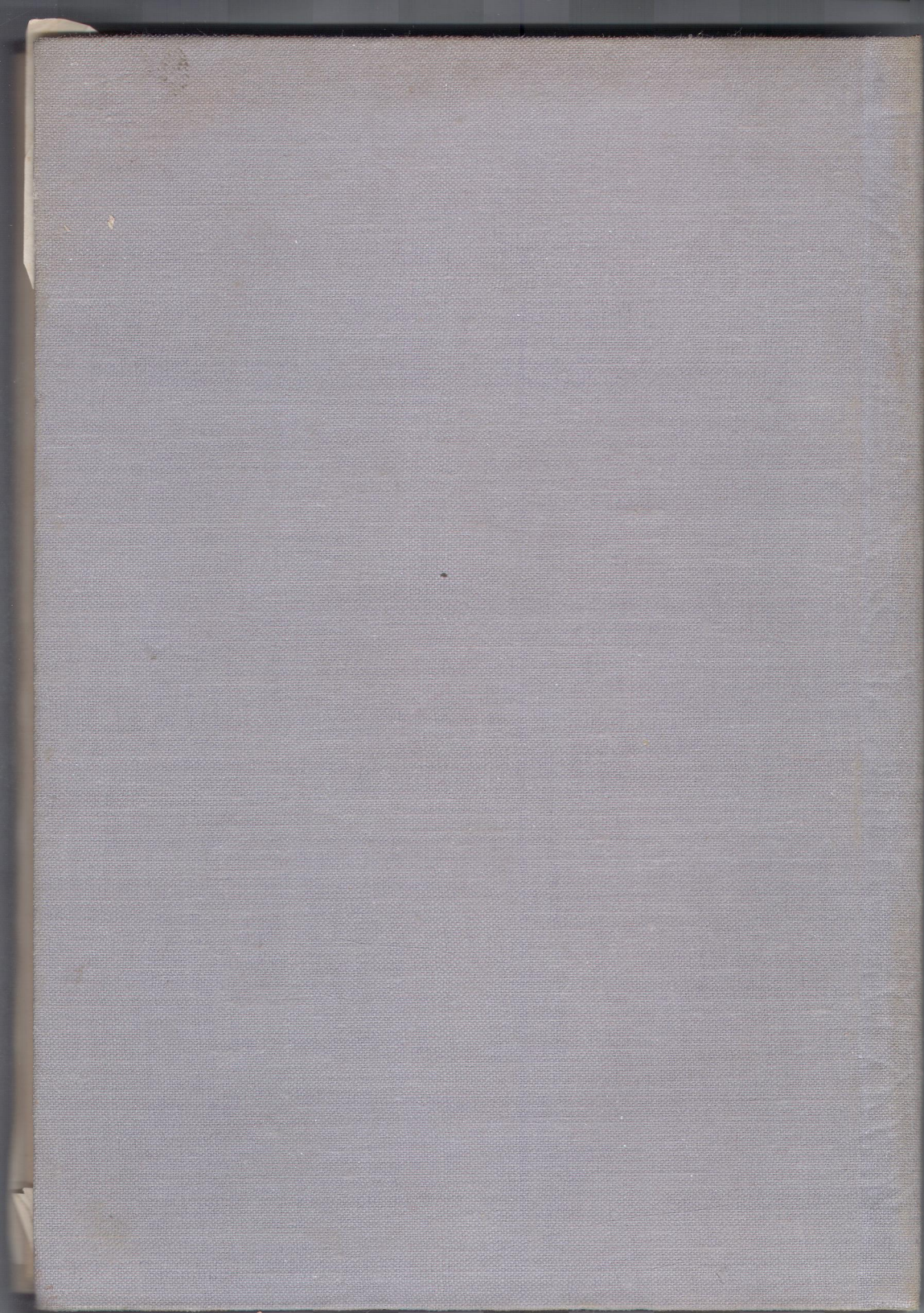
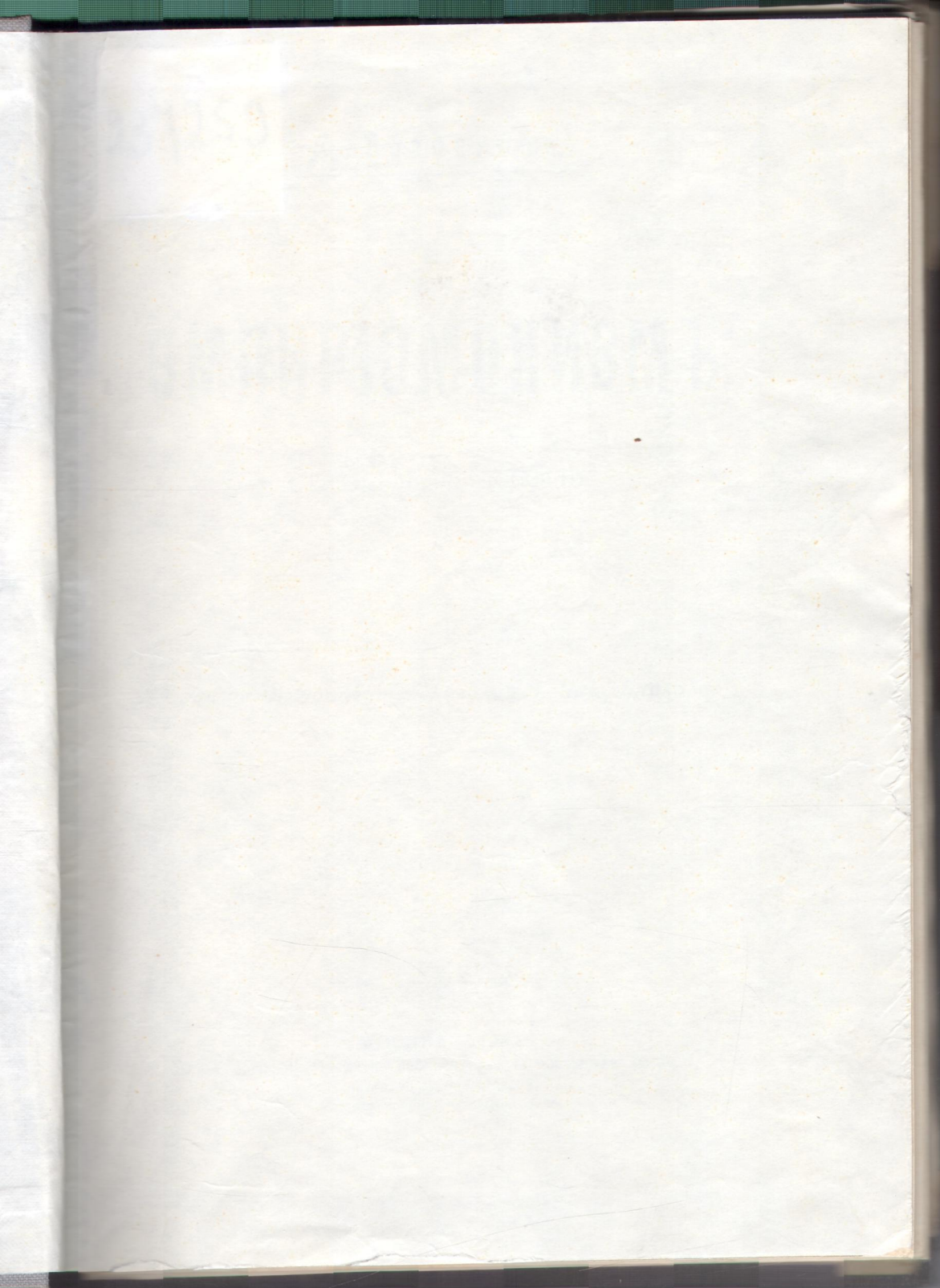

237259

237259

А. Богдаховъ.

ЭМПИРИОМОНИЗМЪ.

СТАТЬИ ПО ФИЛОСОФИИ.

Издаше С. Дороватовскаго и А. Чарушникава.

ЦѢНА 80 КОП.

МОСКВА—1904.

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
аренд. В. И. Вороновымъ.
Противъ манежа, д. кн. Гагарина.

Изданія С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

- В. Базаровъ. Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность. Цѣна 40 к.
- А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ (приложение: уставъ Казанскаго О-ва защиты несчастн. женщинъ). Ц. 40 к.
- Т. Баренкова. Раздолье (повѣсть). На мели. По способу Коха (разсказы). Ц. 80 к.
- Н. Блиновъ. Жизнь Робинзона. (Въ чемъ счастье?) Изд. 3-е. Съ 102 рис. Ц. 70 к., въ коленкор. папкѣ 1 р.
- Допущена Учен. Ком. М. И. Пр. въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатн. народн. читальни и бібліотеки.
- А. Богдановъ. Краткій курсъ Экономическ. науки. Изд. 4-е. С.-П.-Б. 1904 г. Ц. 1 р.
- Его-же. Эмпириомонизмъ. Статьи по философіи. стр. 184. М. 1904 г. Ц. 80 коп.
- Его-же. Изъ психологій общества. (Статьи 1901—1904). Стр. 216. Спб. 1904 г. Ц. 80 к.
- Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣковаго ремесленника (съ 23 рис.). Ц. 50 к.
- Допущена Учен. Ком. Мин. Народн. Просвѣщ. въ ученическія старш. возраста бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.
- А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Ирландіи съ XII вѣка до нашихъ дней. (Портреты: Парнелла и О'Коннелла). Цѣна 80 к.
- Л. Василевскій. Современная Галиція (съ картой). Цѣна 80 к.
- Ч. Вѣтринскій. Среди латышей. Очерки (съ 12 рис.). Цѣна 25 к.
- Допущена учен. Ком. Мин. Народн. Просв. въ ученич. бібліотеки низшихъ училищъ и въ безплатн. народн. читальни и бібліотеки.
- Его-же. Божьи дѣти. (Сборникъ). Цѣна 7 к.
- Допущена Учен. Ком. Мин. Народн. Просв. въ ученич. бібліотеки низшихъ училищъ и въ безплатн. народн. читальни и бібліотеки.
- Викторъ Гюго. Маленькій Наполеонъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к.
- Е. Джунковская. Средняя школа новаго типа въ Западно-Европейскихъ государствахъ. С.-Петербургъ. 1902 г. Съ 12 рис. Цѣна 75 к.
- Д. Н. Жбанковъ. О врачахъ. Моск. 1903 г. Стр. 176. Цѣна 75 к.
- И. Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. Москва. 1904 г. Ц. 60 к.
- Н. Катаевъ. Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство въ Россіи. М. 1902 г. Цѣна 25 к. (Была напечат. въ „В. Евр.“ въ 1902 г.).
- Его-же. Къ вопросу о теоріи социальнаго развитія. М. 1903 г. Ц. 80 к.
- А. А. Кирпищникова. Повѣсти и разсказы. Кн. I. (Изъ жизни въ Приуральскихъ заводахъ). Цѣна 80 к.
- С. Н. Кривенко. На распутьи (культ. скиты и культ. одиночки). Ц. 80 к.
- А. Маликовъ. На задворкахъ фабрики. Край безъ будущаго (по приволжскимъ степямъ). Цѣна 30 к.
- Ф. Д. Нефедовъ. Сочиненія тт. III и IV. Цѣна по 1 руб.
- Допущены Учен. Ком. Мин. Народн. Просвѣщ. въ безплатн. народн. читальни и бібліотеки.
- Его-же. Святочные разсказы. Цѣна 60 к.
- И. Озеровъ. Общества потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Краткое руководство къ основанію и веденію потребит. обществъ. Съ предисловіемъ академика Н. И. Янжула. 2-е изданіе, значительно дополненное и исправлен. Ц. 2 р.
- Очерки реалистическаго міровоззрѣнія (Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни). Спб. 1904 г. стр. 676. Ц. 2 р. 50 к.
- Ө. П. Павловъ. За десять лѣтъ практики (воспоминанія, впечатлѣнія, наблюденія изъ фабричной жизни). Ц. 50 к.
- А. Погорѣловъ. Мракъ. Передъ грозой. (Изъ жизни Приуралья). Ц. 80 к.
- Дж. Руффини. Записки Лоренцо Бенони. Ром. изъ жизни Италіи. Перев. А. Се-ребряковой. М. 1903 г., стр. 378. Ц. 1 р.
- В. Стрешевскій. Повѣсти и разсказы. Ц. 80 к.
- Танъ. Стихотворенія. Ц. 80 к.
- Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Кн. I. Изд. 2-е. (5—7 тысяча). Ц. 1 р.
- Его-же. Повѣсти и разсказы. Кн. II. Ц. 1 р.
- Шиппель. Современная бѣдность и современное перенаселеніе. Профессиональное движеніе и право коалицій. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 25 к.
- Ол. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. Ц. В. Цѣна 25 к.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Франціи XVII—XVIII в. (эпоха Бурбоновъ).
- Главный складъ у издательей: Москва, Воздвиженка, д. 6, кв. 42 А. П. Чарушникова. С.-Петербургъ, Басковъ пер., д. 19, кв. 20 С. П. Дороватовскаго. Иногородныхъ просятъ обращаться по Московскому адресу. Выпывающіе изъ склада на 2 руб. и болѣе за пересылку не платятъ.

А. С. СЕРУК

h-54

А. Богдановъ.

Врач.

А. А. СЕРУК

III (II-4)

19

ЭМПИРИОНИЗМЪ.

СТАТЬИ ПО ФИЛОСОФИИ.

Издание С. Дороватовскаго и А. Чарушникава.

Москва—1904.

Типографія Общества распространія полезныхъ книгъ,

АРЕНД. В. И. ВОРОНОВЫМЪ.

Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

59.

237259

ПРОВЕРЕНО
ДНЕ 1915

4-28

4-28

1000
A. A. C. 1934

11 (11-8) 19

MEMORANDUM

TO : THE BOARD OF DIRECTORS

FROM : THE BOARD OF DIRECTORS

22782

10

Изъ числа трехъ статей, предлагаемыхъ здѣсь вниманію читателя, одна („Universum“) появляется въ свѣтъ впервые; двѣ другія были напечатаны въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“:

„Идеаль познанія“—въ 1903 г., 3—4.

„Жизнь и психика“—1903 г., 9—10 и 11—12.

Идеаль познанія.

(Эмпіріомонизмъ физическаго и психическаго).

Нашъ вѣкъ есть вѣкъ критики по преимуществу. Начиная съ эпохи Возрожденія, великое освободительное движеніе человѣческаго духа шагъ за шагомъ расчищаетъ путь для непрерывнаго, безпрепятственнаго прогресса человѣческихъ силъ индивидуальных и общественныхъ... Въ сферѣ мышленія эта освободительная работа выступаетъ въ формѣ критики, разбивающей безчисленные фетиши, стоящіе на пути познанія, разрывающей безчисленные путы, сковывающія его развитіе. Но рѣшительное господство критики начинается съ конца XVIII вѣка. Французская революція сдѣлала критику всепроникающимъ принципомъ общественнаго бытія людей; Кантъ сдѣлалъ ее всепроникающимъ принципомъ мышленія: всякія границы для критики были принципиально устранены, она должна была отнынѣ сама устанавливать свои границы.

Съ тѣхъ поръ критика была лозунгомъ всего прогрессивнаго въ жизни и мышленіи. Подъ ея знаменемъ шли прежде утописты въ своихъ нападеніяхъ на общественный строй, а теперь подъ ея знаменемъ ведется великая классовая борьба. Въ наукѣ сила критики привела къ выработкѣ точныхъ методовъ, въ философіи—къ неуклонному позитивизму.

Конечно, не разъ наступали моменты авторитарной реакціи въ жизни, догматической реакціи въ мышленіи. Но и здѣсь ярко сказывалась сила критики, сказывалась не только въ томъ, что она рано или поздно побѣждала, но также и въ

томъ, что реакція большей частью старалась нарядиться въ ея костюмъ, старалась выдать себя за критику. Это стремленіе реакціонныхъ силъ провозить свою историческую контрабанду подъ флагомъ критики всего лучше доказываетъ то могущество и то уваженіе, которыми пользуется этотъ благородный флагъ во всѣхъ моряхъ и заливахъ бурнаго океана современности.

Чѣмъ же объяснить себѣ такое громадное и, повидимому, все возрастающее жизненное значеніе критики? Оно означаетъ борьбу различныхъ формъ жизни, отживающихъ и нарождающихся, накопленіе силъ, для которыхъ тѣсны сложившіяся рамки, жажду простора и свободы. Какъ мы знаемъ, бываютъ въ развитіи народовъ эпохи органическія и критическія, — эпохи, когда жизнь спокойно течетъ по привычному руслу, медленно расширяясь и углубляясь, не нуждаясь въ новыхъ путяхъ, потому что старые пока еще ее не стѣсняютъ, и эпохи, когда она бурно стремится черезъ пороги и скалы, прокладывая новыя русла взамѣнъ старыхъ, слишкомъ узкихъ и тѣсныхъ. Тяжелые, поросшіе мхомъ камни катятся и уносятся въ море, рушатся подмытые вѣковыя горы — это критическая работа жизни, и такова та эпоха, въ которую мы живемъ.

Но рѣка течетъ не для того, чтобы сворачивать камни и горы, критика никогда не можетъ быть конечной цѣлью, результатомъ, на которомъ жизнь могла бы остановиться. Удовлетвориться одной критикой не можетъ ни чувство, ни воля людей, ни даже познаніе. Растущая жизнь, накапливающая силы необходимо должны складываться въ новыя формы, должны организоваться въ новыя единства. Дѣло критики дать просторъ для этихъ формъ, помѣшать имъ развиваться уродливо и дисгармонично; но создать ихъ она не можетъ. Критика — это садовникъ, который тщательно расчищаетъ почву для дерева, подстригаетъ лишнія и неправильно растущія вѣтки; но не онъ — причина того, что дерево растетъ и приноситъ роскошные плоды. Жизнь развивается изъ жизни, и сама опредѣляетъ свою цѣль; эта цѣль — творчество, а не критика.

Эта же идея выражена в стихах:
Критика — садовникъ,
который расчищаетъ почву для жизни.

То содержаніе, которое въ наше время ищетъ для себя новыхъ формъ, поистинѣ громаднo. Коллективныя силы человѣчества въ его борьбѣ съ внѣшней природой возросли въ сотни разъ за послѣдніе вѣка, и примѣняются въ безконечно разнообразныхъ направленіяхъ; еще значительно расширилась область научнаго опыта, по отношенію къ которой сфера производства является теперь только небольшой частью; неизмѣримо увеличилось богатство идей и міровоззрѣній, переплетающихся и сталкивающихся въ современномъ мірѣ. Нужны формы безконечно широкія и прочныя, но и безконечно пластичныя, чтобы охватить и свободно совмѣстить такое содержаніе въ его непрерывномъ развитіи; нужны формы безконечно сложныя и въ то же время безконечно гармоничныя, чтобы въ нихъ безъ противорѣчій уложилось все разнообразіе этой безпредѣльно прогрессирующей жизни. Наше воображеніе не въ силахъ представить себѣ, какъ несравненно величественны должны быть эти новыя формы въ своей грандіозности, какъ несравненно изящны въ своей стройности.

Въ неясныхъ, общихъ контурахъ онѣ уже обрисовываются вдали. Развивающееся сознаніе смутно ихъ различаетъ, и страстно къ нимъ стремится. Идеаль практической жизни въ наше время выступаетъ яснѣе: онъ выражаетъ стремленіе гармонически объединить все человѣчество для борьбы со стихійнымъ міромъ, для непрерывнаго развитія силъ. Не такъ ясенъ идеаль познанія; онъ не для всѣхъ формулированъ въ живомъ, понятномъ словѣ, его имя чуждо громадному большинству даже тѣхъ, кому близокъ идеаль практической жизни. А между тѣмъ живое, нераздѣльное единство практики и познанія говоритъ намъ, что оба идеала должны быть неразрывно связаны между собою, должны находиться въ строгой гармоніи. Поэтому законна всякая попытка, хотя бы въ такой общей схемѣ, въ какой представляется намъ идеаль жизни, обрисовать также идеаль познанія.

Ставя себѣ такую задачу, мы уже заранѣе знаемъ, что путь къ ея рѣшенію идетъ черезъ область критики:—не той страст-

ной критики, которая преобразуетъ формы практической жизни, но холодной и строгой критики опыта и отвлеченнаго мышленія.

I.

Если мы стремимся опираться въ своемъ изслѣдованіи на всѣ пріобрѣтенія великой эпохи критики, то исходной точкой его для насъ всего цѣлесообразнѣе взять наиболѣе законченное и строгое выраженіе духа критики въ познавательномъ отношеніи къ дѣйствительности. Такимъ выраженіемъ критической тенденціи для нашего времени представляется намъ *эмпиіокритицизмъ*—критика всего познанія съ точки зрѣнія опыта и критика самаго опыта съ точки зрѣнія его связи и закономерности.

Эмпиіокритицизмъ есть современная форма позитивизма, развившаяся на почвѣ новѣйшихъ методовъ естествознанія съ одной стороны, новѣйшихъ формъ философской критики—съ другой. Это философское теченіе нашло себѣ самыхъ видныхъ выразителей въ Эрнстѣ Махѣ и Рихардѣ Авенариусѣ, изъ которыхъ первый формулировалъ его съ особенной ясностью и прозрачностью, второй—съ особенной полнотой и точностью *). Оно привлекаетъ къ себѣ все больше сторонниковъ среди молодыхъ представителей науки и философіи какъ на каедрѣ, такъ и внѣ ея; оно оказываетъ все большее вліяніе на научное и философское развитіе нашего времени. Эту возрастающую силу и это возрастающее вліяніе признають даже противники эмпиіокритицизма.

Излагать сколько-нибудь полно философскія основы эмпиіокритицизма намъ не приходится; съ точки зрѣнія нашей задачи достаточно характеризовать самое общее познавательное отношеніе этой школы къ дѣйствительности, къ міру опыта.

*) Самый терминъ „эмпиіокритицизмъ“ принадлежитъ, собственно, Авенариусу, но онъ хорошо характеризуетъ также воззрѣнія Маха, хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ они и отличаются отъ взглядовъ Авенариуса.

Задача познанія, по воззрѣніямъ Маха и Авенаріуса, заключается въ томъ, чтобы систематизировать содержаніе опыта, такъ что опытъ является и естественной основой и естественной границей познанія. По своему объективному значенію, систематизація эта является могучимъ жизненнымъ приспособленіемъ, орудіемъ сохраненія жизни и ея развитія. Взглядъ на познаніе, какъ на приспособленіе, возникшій въ эволюціонномъ мышленіи, конечно, гораздо раньше эмпириокритицизма, въ работахъ этой школы находятъ себѣ самое широкое и всестороннее развитіе, и дѣлается базисомъ послѣдовательной *критики* познанія. „Die Analyse der Empfindungen“ Маха и его научно-критическія работы, особенно „die Wärmelehre“, съ одной стороны, и „Kritik der reinen Erfahrung“ Авенаріуса съ другой, даютъ цѣльную и во всемъ существенномъ однородную картину критически-эволюціонной теоріи познанія *).

Но познаніе въ этой картинѣ является не только приспособленіемъ вообще, а также приспособленіемъ *соціальнымъ*. Соціальный генезисъ познанія, его зависимость отъ соціального опыта, принципиальная равноцѣнность мышленія различныхъ людей и его непрерывное соціальное взаимодействіе ярко выступаетъ и сознательно подчеркивается обоими мыслителями. Здѣсь ихъ предшественниками надо признать великихъ

*) Въ развитіи взглядовъ Маха исходной точкой послужилъ философскій *идеализмъ*, тогда какъ для Авенаріуса съ самаго начала характерна *реалистическая* окраска. Тѣмъ замѣчательнѣе тожество философскихъ выводовъ, къ которымъ совершенно независимо одинъ отъ другого пришли оба эти мыслителя, реформируя теорію познанія на основѣ выработанныхъ научныхъ методовъ. Весьма несущественныя разногласія между этими философами носятъ на себѣ однако явный отпечатокъ различія начальныхъ пунктовъ развитія (особенно это относится къ понятію „элементовъ-ощущеній“ у Маха; объ этомъ намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ).

Нѣсколько особое положеніе занимаетъ въ ряду основныхъ произведеній эмпириокритицизма „Der menschliche Weltbegriff“ Авенаріуса (ученіе объ интроспекціи); но къ нему мы также еще вернемся.

основателей исторического монизма, о которых оба философа вряд ли имѣли сколько-нибудь ясное понятіе *).

Тамъ, гдѣ Махъ обрисовываетъ связь познанія съ соціаль-но-трудовымъ процессомъ, совпаденіе его взглядовъ съ идеями Маркса становится порой прямо поразительнымъ. Въ нѣкоторыхъ философскихъ этюдахъ его „Wärmelehre“ мы встрѣчаемъ такіа положенія, какъ, напр., слѣдующее: „наука возникла изъ потребностей практической жизни... изъ техники“ (стр. 451),—формулировка строго соответствующая принципу историческаго матеріализма. Для насъ это—лишнее доказательство глубокой прогрессивности эмпириокритицизма, какъ теченія, способнаго органически воспринять все наиболѣе жизненное въ его идейной средѣ.

Изслѣдуя познаніе, какъ соціальное приспособленіе, эмпириокритицизмъ не находитъ никакого принципиальнаго различія между познаніемъ обыденнымъ, не критическимъ, и познаніемъ научно-философскимъ, критическимъ. И задачи, и методы по существу въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же, разница только въ степени выработки приспособленій: научными и критическими методами задачи познанія достигаются съ — относительно большей полнотой при меньшихъ, затратахъ — энергіи; эти методы характеризуются *экономизаціей* времени и силъ. Такимъ образомъ, обыденное и неточное познаніе, въ

*) Ближе по времени къ Маху и Авенариусу стоитъ А. Риль, который также признаетъ соціальность познанія и его біологическую роль какъ приспособленія, но далеко не вполне придерживается этотъ принципъ въ своемъ анализѣ познанія („Der philosophische Kriticismus“, II B. 2 T.). Вообще, за послѣдніе десятки лѣтъ идеи эти встрѣчаются нерѣдко въ философской и соціально-философской литературѣ; развитіе сравнительной филологіи немало способствовало ихъ упроченію, выясняя органическую связь мышленія съ рѣчью—соціальной формой общенія (здѣсь особенно Нуаре, Максъ Мюллеръ); но обыкновенно эта соціально-генетическая точка зрѣнія на мышленіе ни философами, ни учеными не проводится до конца со строгой методологической послѣдовательностью.

своемъ прогрессивномъ развитіи, стремясь охватить все возрастающее богатство и разнообразіе опыта, необходимо должно переходить шагъ за шагомъ въ критическое и точное. При этомъ познаніе все въ большей мѣрѣ приближается къ *чистому описанію* того, что имѣется въ опытѣ,—разумѣется, къ такому описанію, которое обобщаетъ и систематизируетъ.— Тутъ выступаетъ вопросъ о содержаніи опыта, о его связи и закономерности и о жизненномъ значеніи различныхъ частей этого содержанія. Это и есть вопросъ о критикѣ опыта.

Безконечный потокъ опыта, изъ котораго кристаллизуется познаніе, представляетъ въ своемъ цѣломъ не только очень грандіозную, но и очень пеструю картину. Разлагая шагъ за шагомъ это цѣлое, анализъ переходитъ отъ болѣе крупныхъ его частей къ все болѣе и болѣе мелкимъ, и достигаетъ, наконецъ, нѣкоторой границы, гдѣ разложеніе дальше не удастся. Здѣсь лежатъ *элементы* опыта. Что же это за элементы?

Махъ называетъ ихъ «элементами-ощущеніями». Тотъ опытъ, который мы имѣемъ относительно «внѣшняго міра», сводится къ «тѣламъ», какъ сочетаніямъ различныхъ «признаковъ»,—мѣста, времени, цвѣта, формы, величины и т. п. Разложеніе этихъ «признаковъ» приводитъ насъ къ элементарнымъ ощущеніямъ пространства, времени, цвѣтовъ, тоновъ, къ ощущеніямъ иннерваціоннымъ, осязательнымъ, вкусовымъ и т. д. Въ такъ называемомъ «внутреннемъ мірѣ» мы имѣемъ воспріятія, представленія, стремленія, эмоціи. Дальнѣйшій анализъ даетъ здѣсь частью такіе же элементы, какъ для внѣшняго опыта (напр., въ «воспріятіи» какого-нибудь тѣла также пространственныя, цвѣтоты, иннерваціонныя, и т. под. ощущенія), частью элементы, повидимому, иные—волевые, эмоціональные *)... Собственно, только по отношенію къ «психическому»

*) Авенаріусъ различаетъ „элементы“ и „характеры“, при чемъ подъ „элементами“ подразумѣваетъ цвѣта, тоны, твердое и мягкое, сладкое и горькое и т. под., а подъ „характерами“—окраску удовольствія и страданія, красоты и безобразія, реальности и кажущагося, ясности и смутности и т. д. Для нашихъ

міру елементи можно съ полнымъ правомъ называть «ощущеніями», потому что «ощущенія» — терминъ психологическій, который неудобно примѣнять къ физической области опыта *); но въ высшей степени важно, что одни и тѣ же элементы могутъ принадлежать «тѣламъ», какъ ихъ «признаки» («красное», «зеленое», «холодное», «горячее», «твердое», и т. д.) и входить въ составъ «воспріятій» и «представленій», какъ собственно, «ощущенія» (ощущеніе красного, зеленого, холодного, и т. д.). «Красное» въ тѣлахъ и «ощущеніе красного» въ ихъ воспріятіи суть *тождественные* элементы опыта, которые мы только различно обозначаемъ.

Тѣла—это комплексы такихъ же элементовъ, какіе въ «воспріятіяхъ» мы называемъ «ощущеніями». Положеніе чрезвычайно важное, на которомъ слѣдуетъ остановиться.

Человѣческій организмъ существуетъ для насъ, какъ тѣло въ ряду другихъ тѣлъ. Изъ какихъ же элементовъ опыта склады-

цѣлей это различіе не существенно, и потому мы въ изложеніи предпочитаемъ слѣдовать Маху.

*) Это различіе Махъ самъ не разъ отмѣчаетъ для того, чтобы устранить возможность идеалистическаго истолкованія своихъ взглядовъ. Его русскій переводчикъ, (Энгельмейеръ. Очерки по теоріи познанія Э. Маха, 1901, изд. Маноцковой) нѣсколько погрѣшаетъ тѣмъ, что мало обращаетъ вниманія на эту сторону дѣла; передавая взгляды Маха, онъ доходитъ даже до такихъ формулировокъ, какъ слѣдующая: «наши ощущенія не производныя міра, а мы произвели міръ изъ нашихъ ощущеній» (Введеніе, стр. 17). Махъ на эту формулировку никогда бы не согласился. Онъ указалъ бы, во-1), что элементы только тогда правильно называть ощущеніями, когда мы говоримъ о нихъ съ психологической точки зрѣнія, а по отношенію къ „физическому“ міру этотъ терминъ не допустимъ; и во-2), что элементы не то, изъ чего мы произвели міръ, а *продуктъ познавательнаго разложенія* опыта, такъ что опытъ въ цѣломъ, по отношенію къ нимъ, *первичное*, а не вторичное. Можетъ быть удастся и дальнѣйшее разложеніе теперешнихъ „элементовъ“—они, вѣдь, не атомы; тогда они смѣнятся элементами болѣе простыми, но еще болѣе „производными“, въ смыслѣ длины того пути, по которому познаніе дойдетъ до нихъ.

вается это тѣло? Прежде всего мы имѣемъ рядъ элементовъ, воспринимаемыхъ при помощи зрѣнія, рядъ элементовъ цвѣта и пространства (формы). Затѣмъ рядъ совершенно иныхъ элементовъ, воспринимаемыхъ при помощи чувства давленія и чувства температуры: элементы формы и пространства, какіе даются намъ ощущиваніемъ тѣла, элементы тепла и охлажденія, выступающіе рядомъ съ ними, и т. д. Далѣе рядъ элементовъ, доступныхъ слуху — тоны и шумы, изъ которыхъ складывается рѣчь, пѣніе, плачь, смѣхъ, и т. под... Всѣ эти ряды совершенно различны по своему матеріалу—*качественно разнородны*, и однако всѣ они объединяются въ одинъ комплексъ, обозначаемый словомъ «человѣкъ». Рядъ зрительный—элементы цвѣта и видимой формы — немислимо даже и сравнивать въ его непосредственности съ рядомъ тактильнымъ—элементами осязаемой формы, твердости, тепла,—или съ рядомъ акустическимъ—тонами и шумами; немислимо сравнивать въ этомъ смыслѣ даже отдѣльные элементы одного ряда между собою, напр., «красное» съ «зеленымъ». Но «тѣло» есть нѣчто единое. Что же даетъ ему это единство? Устойчивая связь частей комплекса.

Эта устойчивая связь въ нашемъ опытѣ далеко не безусловна. Въ массѣ случаевъ мы только видимъ проходящихъ мимо людей, но не слышимъ и не осязаемъ: данъ зрительный рядъ, остальные не даны, и однако мы не сомнѣваемся, что передъ нами «тѣла», «люди». Въ другихъ случаяхъ мы только слышимъ или только осязаемъ, или видимъ и слышимъ и т. д. Но отдѣльные ряды прочно ассоціированы между собою—изъ опыта мы знаемъ, что если видимъ человѣка, то достаточно намъ подойти и потрогать его, чтобы осязать и, вѣроятно, также слышать. Изъ каждаго ряда можетъ оставаться лишь незначительная часть элементовъ, и однако весь комплексъ, все «тѣло» вступаетъ въ сферу нашего опыта: мы можемъ видѣть одинъ палецъ человѣка, или осязать только его руку, или слышать только походку,—и однако мы не сомнѣваемся, что передъ нами человѣкъ. Если дѣло идетъ о данномъ человѣкѣ—

г-нѣ А., то весь составъ комплекса можетъ сильно измѣниться, напр., будетъ надѣтъ новый костюмъ, цвѣтъ лица и фигура пострадаютъ отъ болѣзни, голосъ охрипнетъ и т. д.; однако мы будемъ признавать то же лицо, тотъ же комплексъ. Вообще, относительная устойчивость комплекса элементовъ достаточна, чтобы сдѣлать изъ него «тѣло» *).

Для насъ очень важна одна сторона дѣла, на которой не останавливаются ни Махъ, ни Авенариусъ. Рядъ зрительный, рядъ тактильный, рядъ акустическій, входящіе въ составъ одного «тѣла», качественно различаются по своимъ элементамъ, совершенно несравнимы съ точки зрѣнія матеріала—сравните, напр., красное съ твердымъ или съ горькимъ,—и однако они выступаютъ въ неразрывной связи. Отчего они не образуютъ для познанія самостоятельныхъ комплексовъ? Развѣ познание не стремится соединять однородное, и разъединять разнородное? Почему же нашъ опытъ складывается въ такіе неоднородные по составу комплексы? Отвѣтъ на эти вопросы получается очень легко, если мы остановимся на основномъ фактѣ опыта—на *параллелизмѣ рядовъ*, образующихъ тѣла.

Если мы одновременно видимъ человѣка, слышимъ его и осязаемъ его тѣло, то *взаимныя отношенія* элементовъ во всѣхъ трехъ рядахъ опыта находятся въ извѣстномъ соотвѣт-

*) Изъ этой относительности возникаетъ самое абсолютное въ философіи, „субстанція“, или „вещь въ себѣ“. Каждой данной части комплекса можетъ не хватать въ нашемъ опытѣ въ данный моментъ, и однако мы признаемъ „вещь“ за *то же самое*, чѣмъ является для насъ цѣлый комплексъ. Не значитъ ли это, что можно откинуть всѣ „элементы“, всѣ „признаки“ вещи, и все-таки она останется,—уже не какъ явленіе, а какъ „субстанція“? Конечно, это только старая логическая ошибка: каждый волосъ въ отдѣльности можно вырвать, и человѣкъ не станетъ лысымъ; но если ихъ вырвать всѣ вмѣстѣ, человѣкъ будетъ лысый; таковъ и процессъ, которымъ создается „субстанція“, которую Гегель недаромъ называлъ „*caput mortuum абстракціи*“. Если откинуть всѣ элементы комплекса, то комплекса не будетъ; останется только обозначающее его *слово*. Слово—это и есть „вещь въ себѣ“.

ствіи между собою. Измѣненіямъ въ зрительномъ ряду соотвѣтствуютъ опредѣленные измѣненія въ тактильномъ ряду, и наоборотъ. Когда мы видимъ, что человѣкъ поднялъ руку (измѣненіе въ комбинаціи цвѣтовыхъ и пространственныхъ элементовъ), то мы, если желаемъ, всегда можемъ одновременно ощутить это и при помощи осязанія (измѣненіе въ комбинаціи тактильных элементовъ); отношенія тѣхъ и другихъ элементовъ измѣняются въ опредѣленной связи, которая не можетъ быть замѣнена другою. Если мы видимъ опредѣленные движенія губъ и грудной клѣтки, то мы, обыкновенно, слышимъ опредѣленные звуки рѣчи; и опять-таки отношенія тѣхъ и другихъ элементовъ измѣняются въ опредѣленномъ взаимномъ соотвѣтствіи. Предположимъ, что вы имѣете зрительный рядъ элементовъ, но тактильнаго совсѣмъ нѣтъ, и не можете получить, т.-е. вы видите человѣка, но при его ощупываніи не получаете никакихъ осязательныхъ ощущеній — ни сопротивленія, ни тепла; въ такомъ случаѣ это вовсе не человѣкъ, а привидѣніе, или какая-нибудь оптическая иллюзія. Вы слышите рѣчь человѣка, но, несмотря на наличность всѣхъ обычныхъ условій для воспріятія соотвѣтственного зрительнаго ряда, не получаете его, или получаете рядъ съ совершенно иными отношеніями; въ такомъ случаѣ это опять-таки не человѣкъ, а галлюцинація слуха или, можетъ быть, фонографъ. Тамъ, гдѣ нарушается обычный параллелизмъ такихъ-то данныхъ рядовъ, тамъ устраняется и признаніе въ опытѣ обычно воспринимаемаго такого-то даннаго «тѣла», и выступаетъ необходимость иначе объединить факты опыта, признать не то «тѣло», какъ обыкновенно, а другое, или совсѣмъ отрицать наличность «тѣла».

Параллелизмъ разнородныхъ рядовъ опыта, объединенныхъ въ одно «тѣло», даетъ этимъ рядамъ нѣкоторую однородность; но это однородность *отношеній*, а не элементовъ. Именно эта однородность отношеній, наблюдаемая для различныхъ рядовъ опыта, и есть ближайшая основа единства *тѣла*. Пространственное и временное единство тѣла — только опредѣленные

формы этой однородности отношений, этого параллелизма рядов: пространство, напр., зрительное координируется съ пространствомъ доступнымъ осязанію именно въ силу параллелизма между рядами элементовъ; а единство времени есть прямо другое названіе для параллельнаго теченія всѣхъ этихъ рядовъ среди общаго потока непосредственныхъ переживаній.

Замѣтимъ, что одинъ изъ этихъ рядовъ обыкновенно играетъ въ комплексъ особую—*организующую* роль. Когда мы представляемъ себѣ человѣческое тѣло, то оно является намъ *по преимуществу* какъ осязаемый, или *по преимуществу* какъ видимый предметъ, т.-е. въ основу комплекса ложится одинъ рядъ, по большей части именно тактильный (рѣже зрительный); а другіе ряды объединяются около него, какъ центральной части комплекса. Нетрудно понять, чѣмъ обуславливается такая особенная роль тактильнаго ряда: она связана съ его особеннымъ значеніемъ—значеніемъ въ біологической борьбѣ. Обыкновенно, только при наличности тактильнаго ряда предметы могутъ оказываться серьезно полезными или серьезно вредными для жизни: всѣ объекты «производства» въ смыслѣ экономистовъ — матеріалы труда, орудія, предметы потребленія—представляютъ «осязаемые» предметы; тѣла, лишеныя тактильнаго ряда, напр., тѣни, отраженія, облака, являются жизненно-неважными (по крайней мѣрѣ, непосредственно неважными; косвенно и они могутъ приобрѣтать большое значеніе, какъ, положимъ, дождевыя облака). Кромѣ того, немалое значеніе имѣетъ тѣсно связанная съ этой біологической ролью большая полнота и опредѣленность тактильнаго ряда (при ощущиваніи предметовъ); однако въ этомъ отношеніи онъ скорѣе уступаетъ зрительному ряду, который и выступаетъ какъ рядъ организующій, вмѣсто тактильнаго, когда этого послѣдняго не имѣется, а иногда даже и при его наличности.

Возвратимся теперь къ изложенію взглядовъ Маха. Какъ было уже указано, одни и тѣ же элементы могутъ входить въ составъ «физическихъ тѣлъ» и въ составъ «психическихъ процессовъ». Если «тѣло», называемое человѣческимъ орга-

низмомъ, есть комплексъ такихъ-то цвѣтовыхъ, пространственныхъ, тактильных и другихъ элементовъ, то *воспріятіе* этого тѣла — изъ какихъ элементовъ оно складывается? Да очевидно, изъ тѣхъ же самыхъ цвѣтовыхъ, пространственныхъ, тактильных и т. д.; только здѣсь эти же элементы называются «ощущеніями». Изъ тѣхъ же элементовъ складывается и «представленіе» тѣла, когда тѣла нѣтъ въ непосредственномъ воспріятіи. Но какая же разница между «тѣломъ» и «воспріятіемъ тѣла», или его «представленіемъ»? Вѣдь это, несомнѣнно, далеко не одно и то же съ точки зрѣнія нашего опыта.

Тѣло въ ряду другихъ тѣлъ принадлежитъ къ опредѣленной системѣ вещей, которая характеризуется опредѣленными отношеніями, и называется «физическимъ» или «внѣшнимъ» міромъ. Воспріятіе или представленіе тѣла принадлежитъ къ другой системѣ, въ которой отношенія иные, и которая называется «психическимъ» или «внутреннимъ» міромъ. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ различію двухъ областей опыта—физической и психической, «внѣшней» и «внутренней».

Въ мірѣ физическомъ комплексы — тѣла характеризуются извѣстной устойчивой закономерностью своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній. Передъ вами столъ; ваше воспріятіе стола мѣняется съ каждой перемѣной положенія вашей головы: оно исчезаетъ, если вы отвернетесь или уйдете; но столъ, какъ тѣло, не измѣняется при этомъ и остается на своемъ мѣстѣ. Представленіе стола вы можете произвольно, однимъ усиліемъ вниманія, вызвать и фиксировать въ ряду другихъ представлений въ самыхъ различныхъ ассоціаціяхъ образовъ; но вы не можете такъ же произвольно, однимъ актомъ воли, достигнуть того, чтобы столъ возникъ въ ряду другихъ тѣлъ или выступилъ въ новомъ соотношеніи съ ними. Связь явленій въ обоихъ случаяхъ различна: въ физическомъ мірѣ она имѣетъ гораздо болѣе опредѣленный характеръ, чуждый всякого произвола, *независимый отъ случайно измѣняющихся состояній нашего организма*; въ мірѣ психическомъ явленія выступаютъ въ *опредѣленной зависимости именно отъ со-*

стояній организма, ближайшимъ образомъ отъ нервной системы.

Воспріятія получаютъ тогда, когда возбужденіе различныхъ органовъ чувствъ передается центральному нервному аппарату, и измѣняются сообразно съ формою этого возбужденія съ одной стороны, состояніемъ нервныхъ проводниковъ и нервныхъ клѣтокъ съ другой. Перерѣжьте два оптическихъ нерва, и весь міръ зрительныхъ воспріятій исчезнетъ для данной психики; или отравите нервную систему сантониномъ, и всѣ предметы будутъ восприниматься въ иной окраскѣ, чѣмъ прежде. Подвергните организмъ дѣйствию хорошей дозы наркотическаго яда, и исчезнутъ не только воспріятія, но и представленія, даже эмоціи и стремленія. Нарушите питаніе коры головного мозга, и весь психическій міръ окажется спутаннымъ, разстроеннымъ; всѣ его отношенія рѣзко измѣнятся. А физическій міръ, несмотря ни на что, остается попрежнему.

Всѣ такія сопоставленія—ихъ можно дѣлать безъ конца—приводятъ къ слѣдующей формулировкѣ: поскольку данныя опыта выступаютъ *въ зависимости отъ состояній данной нервной системы*, постольку они образуютъ *психическій міръ* данной личности; поскольку данныя опыта берутся *внѣ такой зависимости*, постольку передъ нами *физическій міръ*. Поэтому Авенаріусъ обозначаетъ эти двѣ области опыта, какъ *зависимый рядъ* и *независимый рядъ* опыта.

Для пониманія реальнаго различія обоихъ рядовъ опыта особенно важны тѣ промежуточные случаи, гдѣ происходитъ ихъ временное смѣшеніе. Свои образы сновидѣній, свои галлюцинаціи человѣкъ относитъ сначала къ внѣшнему міру; но послѣдующій опытъ убѣждаетъ его, что эти явленія зависѣли всецѣло отъ особаго, преходящаго состоянія его нервной системы, и тогда онъ относитъ ихъ уже къ психическому міру. Если человѣкъ не настолько образованъ, чтобы установить эту форму зависимости, какъ это часто бываетъ у неразвитыхъ людей по отношенію къ галлюцинаціямъ, то явленіе, несмотря на всю свою неустойчивость, будетъ отнесено къ «внѣшнему»

міру — галлюцинація будетъ понятъ, какъ «привидѣніе» или «духъ», вообще, какъ *тѣло*, хотя и съ особенными свойствами (слово «духъ» не должно вводить здѣсь въ заблужденіе, «духъ», фетишиста есть отнюдь не «психическое» въ научномъ смыслѣ).

Кромѣ тѣхъ комплексовъ, которые одинаково могутъ выступать и въ физическомъ ряду, какъ тѣла, и въ психическомъ, какъ воспріятія или представленія, существуютъ еще комплексы иного рода, принадлежащіе всецѣло къ психическому міру, и никогда не относимые нами къ физической области опыта. Это комплексы эмоціональные и волевые: чувства, аффекты, стремленія, и т. под. Радость, гнѣвъ, желаніе, любовь, никогда не представляются намъ «тѣлами», а всегда только психическими процессами. Между тѣмъ, такого рода комплексы бывають иногда чрезвычайно устойчивы — много устойчивѣе иныхъ мимолетныхъ явленій физического міра. Мало того, той же исключительной «психичностью» отличается комплексъ наиболѣе устойчивый въ ряду нашихъ переживаній, тотъ, который мы обозначаемъ словомъ «я». Какъ понять эту особенную группу переживаній?

Спеціально-психическій характеръ всей группы опредѣляется тѣмъ фактомъ, что она стоитъ въ особенной, непосредственной зависимости отъ состояній данной нервной системы, и не можетъ быть представлена внѣ этой зависимости, въ той закономѣрной связи, которая характеризуетъ физическую сферу опыта. Отсюда легко возникаетъ стремленіе рѣзко выдѣлить спеціально-психическій рядъ изъ общей системы опыта, отдѣлить его, какъ нѣчто самостоятельное, отъ всѣхъ психо-физическихъ переживаній. Но такой взглядъ нельзя было бы признать правильнымъ.

Комплексы эмоціональные, волевые, и комплексъ «я» разлагаются анализомъ на элементы, и эти элементы *однородны* съ тѣми, которые выступаютъ во всякихъ иныхъ, психо-физическихъ сочетаніяхъ. Такъ, въ эмоціяхъ, согласно экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, если даже не принимать обобщающей теоріи Джемса и Ланге, несомнѣнно играютъ роль

шую роль элементы иннервационные и тактильные, элементы, которые въ другихъ сочетаніяхъ входятъ въ составъ «воспріятій» и въ составъ «тѣлъ». Точно также волевые комплексы представляютъ изъ себя сложныя комбинаціи различныхъ элементовъ съ опредѣленными «характерами» (по терминологіи Авенариуса); особенное значеніе имѣютъ здѣсь иннервационные элементы *). Что же касается «я», то это сложнѣйшій комплексъ жизненно важныхъ комбинацій, по преимуществу эмоциональныхъ и волевыхъ, вообще тѣхъ, которыя стоятъ въ наиболѣе тѣсной связи съ самосохраненіемъ организма **). Такимъ образомъ, по своимъ *элементамъ*, по своему *материалу*, и специально-психическіе комплексы не отличаются отъ другихъ группировокъ въ сферѣ опыта, не отличаются отъ психическихъ-физическихъ комбинацій.

II.

Мы обрисовали, насколько это требуется для поставленной нами задачи, самое общее отношеніе эмпириокритицизма къ дѣйствительности, какъ системѣ опыта. Передъ нами выступило міровоззрѣніе, съ одной стороны — глубоко обоснованное на пріобрѣтеніяхъ современной науки, съ другой стороны — очень увлекательное по своей простотѣ и ясности. Оно съ трудомъ укладывается въ рамки обычныхъ философскихъ опредѣленій. Оно рѣзко отличается отъ наивнаго реализма своимъ глубоко аналитическимъ и строго критическимъ отношеніемъ ко всему содержанію опыта. Но не менѣе далеко отстоитъ оно и отъ всякаго идеализма: отъ трансцендентнаго — тѣмъ, что не признаетъ никакой высшей, сверхчувственной реальности

*) См. R. Avenarius, „Kritik der reinen Erfahrung“, II, 206 и слѣд. стр., а также прим. 54. См. также G. Simmel, „Skizze einer Willentheorie“, Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnessorgane, 1895 г. — иннервационная теорія воли.

**) См. R. Avenarius, Kr. d. r. Erf., II стр. 355 и стр. 275 (о „доминантѣ“); также E. Mach, „Analyse der Empf.“, стр. 13—20 (3-е изд., 1902).

идей, а считает всякую мыслимую идею продуктомъ усложненія и обработки опыта, отъ имманентнаго—тѣмъ, что дѣйствительность, опытъ оно отнюдь не укладываетъ всецѣло въ рамки психическаго, въ рамки «представленія», но это «психическое» признаетъ только за одну опредѣленную область опыта. Эмпириокритицизму нѣтъ также дѣла ни до матеріализма, ни до спиритуализма, ни до какой метафизики вообще: и матерія, и духъ для него только комплексы элементовъ, а всякая «сущность» и всякое сверхъ-опытное познаніе — термины безъ содержанія, пустыя абстракціи. Если мы назовемъ это міровоззрѣніе критическимъ, эволюціоннымъ, соціологически окрашеннымъ позитивизмомъ, то мы сразу укажемъ тѣ главныя теченія философской мысли, которыя слились въ немъ въ одинъ потокъ.

Разлагая все физическое и психическое на тождественные элементы, эмпириокритицизмъ не допускаетъ возможности какова бы то ни было дуализма. Но здѣсь и возникаетъ новый критическій вопросъ: дуализмъ опровергнуть, устранить, а достигнуть ли монизмъ? Освобождаетъ ли въ дѣйствительности точка зрѣнія Маха и Авенариуса все наше мышленіе отъ его дуалистическаго характера? На этотъ вопросъ мы принуждены отвѣтить отрицательно.

Критика опыта сдѣлала дуализмъ невозможнымъ,—и все же онъ остался, только принявъ новую форму. Опытъ единъ по своему матеріалу—*но почему же въ немъ двѣ закономерности?* Связь физическаго и связь психическаго ряда принципиально различны, не сводимы одна на другую, и не допускаютъ объединенія въ какой-нибудь третьей, высшей закономерности *). Это не дуализмъ реальности, а дуализмъ *способа познанія*, и Авенариусъ полагаетъ, что «*diese Dualität ist*

*) Можно, конечно, свести ту и другую къ обобщающей ихъ абстракціи,—но это будетъ лишь безсодержательное понятіе о связи вообще, неспособное органически объединить двѣ основныя формы закономерности опыта.

kein Dualismus» (эта двойственность — не дуализмъ). Но такую точку зрѣнія трудно признать правильной, какъ бы ни была она успокоительна.

Дѣло въ томъ, что принципиально различныя, несводимыя къ единству закономерности для цѣльности и стройности познанія немногимъ только лучше принципиально различныхъ, несводимыхъ къ единству реальностей. Когда область опыта разбивается на два ряда, съ которыми познаніе принуждено оперировать совершенно различно, то познаніе не можетъ чувствовать себя единымъ и гармоничнымъ. Неминуемо возникаетъ рядъ вопросовъ, направленныхъ къ устраненію двойственности, къ ея замѣнѣ высшимъ единствомъ. Почему въ единомъ потокѣ человѣческаго опыта возможны двѣ принципиально различныхъ закономерности? И почему ихъ именно двѣ? Почему зависимый рядъ, «психическое», находится въ тѣсномъ функциональномъ соотношеніи именно съ нервной системой, а не другимъ какимъ-либо «тѣломъ», и почему нѣтъ въ опытѣ безчисленнаго множества зависимыхъ рядовъ, связанныхъ съ «тѣлами» другихъ типовъ? Почему одни комплексы элементовъ выступаютъ въ обоихъ рядахъ опыта — и какъ «тѣла», и какъ «представленія», а другіе никогда не бываютъ тѣлами, и принадлежатъ всегда къ одному ряду, и т. д.?

Эмпириокритицистъ будетъ, конечно, правъ со своей точки зрѣнія, отвергая самую постановку этихъ вопросовъ: дѣло познанія — описать то, что имѣется въ опытѣ, и если въ немъ есть двойственность, то это надо констатировать, а не зачѣмъ спрашивать «почему»? Но вопросъ «почему» выражаетъ въ данномъ случаѣ несомнѣнную, вполне реальную потребность въ описаніи дѣйствительно гармоничномъ, логически единомъ, — потребность, которую въ общемъ критика опыта признаетъ вполне законною, и отрицаніе вопроса оставляетъ эту потребность совершенно неудовлетворенною.

Между «двойственностью» и «дуализмомъ» въ познаніи нѣтъ никакой рѣзкой границы: двойственность становится дуализмомъ по мѣрѣ того, какъ выступаетъ интенсивнѣе стрем-

леніе къ гармоніи познанія, къ его единству, по мѣрѣ того, какъ развивающаяся психика становится чувствительнѣе ко всякому раздвоенію, а элементы обѣихъ сторонъ двойственности все чаще одновременно выступаютъ въ сознаніи, порождая накапливающееся чувство противорѣчія. Для Спинозы двойственность познаваемыхъ атрибутовъ единой субстанціи, мышленія и протяженія, совсѣмъ не противорѣчила монизму системы; но для насъ, людей XX вѣка, она уже несомнѣнный дуализмъ. То же должно стать и со всякой принципиальной двойственностью способовъ познанія.

Вотъ почему наше стремленіе къ идеалу познанія необходимо ставить задачу—преодолѣть эту двойственность.

III.

Разсмотримъ нѣсколько ближе и внимательнѣе отношеніе двухъ рядовъ опыта—физическаго и психическаго. Намъ надо какъ можно точнѣе *характеризовать* ихъ различія и, если окажется возможнымъ, выяснитъ *генезисъ* этихъ различій. Вопросъ о генезисѣ можетъ показаться здѣсь несообразнымъ; но постараемся отдѣлаться отъ всякаго предвзятаго сужденія о немъ и посмотримъ, не приводитъ ли къ этому вопросу строго критическій анализъ самыхъ различій.

Постоянная характеристика всего «физическаго» — это его *объективность*. Никто не можетъ представить себѣ физическаго тѣла или процесса, которые можно было бы обозначить какъ нѣчто «субъективное». Здѣсь нѣтъ никакихъ исключеній. Но что значитъ «объективное»?

Первый, представляющійся наиболѣе простымъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы такой: объективнымъ мы называемъ то, что прочно и устойчиво въ нашемъ опытѣ. Но подобный взглядъ необходимо сразу отвергнуть. Въ физическомъ мірѣ наблюдаются крайне мимолетныя, почти неуловимыя событія, и это не лишаетъ ихъ характеристики «объективнаго». Наоборотъ, въ психическомъ мірѣ встрѣчаются крайне прочныя

и устойчивыя, постоянно возвращающіяся комбинаціи, къ которымъ эта характеристика безусловно не подходитъ. Форма даннаго облака въ данный моментъ есть нѣчто вполне объективное, хотя черезъ $\frac{1}{10}$ секунды она будетъ уже совсѣмъ не та; наоборотъ, воспріятіе солнечнаго движенія по небесному своду — чрезвычайно устойчивая, часто повторяющаяся психическая комбинація, и однако мы не можемъ признать этого движенія за объективный фактъ. Очевидно, надо искать иного опредѣленія.

Можно стать на такую точку зрѣнія: объективно для насъ въ явленіяхъ то, на чемъ мы можемъ съ успѣхомъ основываться въ своей дѣятельности, то, что не приводитъ насъ къ практическимъ противорѣчіямъ. Физическія тѣла съ ихъ свойствами представляютъ нѣчто объективное потому, что мы, принимая эти тѣла за реальности и пользуясь ихъ выясненными свойствами, не приходимъ къ противорѣчіямъ съ самими собой. Это, въ сущности, модификація предыдущаго взгляда, только захватывающая опытъ въ болѣе широкихъ рамкахъ. Но и она должна быть отвергнута, и именно постольку, поскольку она относится къ *индивидуальному, а не коллективному опыту*. Отдѣльное лицо въ теченіе всей своей жизни нерѣдко исходитъ практически изъ весьма субъективныхъ воззрѣній, но, благодаря узости рамокъ своего опыта, не приходитъ къ ощутительнымъ противорѣчіямъ. Крестьянинъ, не выѣзжающій изъ деревни, можетъ всю жизнь считать землю плоскимъ кругомъ, небо—голубымъ хрустальнымъ сводомъ, а солнце — блестящимъ кружкомъ, ежедневно проходящимъ по этому своду; и гармонія его практической жизни нисколько не страдаетъ; однако, объективны ли эти данныя его опыта? Еще больше могутъ уяснить вопросъ нѣкоторые патологическіе случаи. Встрѣчаются параноики, которые до конца остаются въ своемъ собственномъ, нереальномъ мірѣ, съ несуществующими людьми, обыкновенно ихъ преслѣдующими. Считааясь съ этими личностями, ведя борьбу противъ нихъ, параноикъ иногда, именно при высоко систематизированномъ бредѣ, не при-

ходить ни къ какимъ познавательнымъ противорѣчіямъ въ своемъ опытѣ; но попробуй онъ (что, конечно, едва ли возможно) хоть на короткое время отнестись къ своимъ врагамъ объективно въ нашемъ смыслѣ, т. е. признать ихъ не реальными, не принимать мѣръ противъ ихъ злоумышленій, и очень скоро новыя репрессіи съ ихъ стороны привели бы его къ практическому противорѣчію. Здѣсь въ *личномъ* опытѣ «объективное» не можетъ служить надежной основой для практики, а «субъективное» можетъ *).

Мы приходимъ къ такому выводу: характеристика «объективности» вообще не можетъ имѣть своей основой индивидуальный опытъ—ни устойчивость его сочетаній, ни гармонію результатовъ дѣятельности съ ея исходными данными опыта. Основа «объективности» должна лежать въ сферѣ *коллективнаго* опыта.

Объективными мы называемъ тѣ данныя опыта, которыя имѣютъ одинаковое жизненное значеніе для насъ и для другихъ людей, тѣ данныя, на которыхъ не только мы безъ противорѣчія строимъ свою дѣятельность, но на которыхъ должны, по нашему убѣжденію, основываться и другіе люди, чтобы не прійти къ противорѣчію. Объективный характеръ физическаго міра заключается въ томъ, что онъ существуетъ не для меня лично, а для всѣхъ, и для всѣхъ имѣетъ опредѣленное значеніе, по моему убѣжденію, такое же, какъ для меня. Объективность физическаго ряда — это его *общезначимость* *). «Субъективное» же въ опытѣ,—это то, что не обладаетъ обще-

*) Прекрасный случай этого рода цитированъ у С. Корсакова („Курсъ психіатріи“, т. I. стр. 198 и слѣд.)—систематизированный бредъ съ детальнымъ описаніемъ членовъ преступнаго тайнаго общества, которое преслѣдуетъ больного, ихъ наружности, манеры и характеровъ. Вся жизнь больного сводилась къ различнымъ отношеніямъ съ этими несуществующими людьми.

*) Въ нашей литературѣ чаще употребляютъ терминъ „общезначимость“—менѣе точный, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ излишній нормативный оттѣнокъ.

значимостью, что имѣетъ значеніе лишь для одного или нѣсколькихъ индивидуумовъ.

Эта точка зрѣнія не заключаетъ въ себѣ ничего новаго; она является общераспространенною и принимается очень различными философскими доктринами. Но если ее понять послѣдовательно-генетически, то она представится намъ въ новомъ освѣщеніи.

Общезначимость есть не что иное, какъ *согласованность* опыта различныхъ людей, *взаимное соотвѣтствіе* ихъ переживаній. Откуда же берется эта согласованность, это взаимное соотвѣтствіе? Слѣдуетъ ли считать ее «предустановленной гармоніей» или же результатомъ развитія?

Данныя для отвѣта мы можемъ найти въ развитіи формъ пространства и времени.

IV.

Въ ученіи о пространствѣ необходимо строго различать пространство чувственного воспріятія и абстрактное пространство—*Sehraum* и *Raumbegriff* Геринга, фізіологическое и геометрическое пространство Маха. Хотя ихъ связь неразрывна, но въ системѣ опыта ихъ роль различна.

Фізіологическое пространство есть то, которое нашъ непосредственный опытъ даетъ намъ съ одной стороны въ актѣ зрѣнія, съ другой стороны—въ актѣ осязанія: то, которое мы прямо воспринимаемъ въ видѣ оптическаго и тактильнаго ряда элементовъ. Абстрактное пространство—это пространство нашего мышленія, всеобъемлющее, не связанное ни съ какимъ частнымъ воспріятіемъ, пространство, представляемое нами, какъ «всеобщая» и «чистая» форма созерцанія. Свойства того и другого во многомъ очень различны.

Фізіологическое пространство не обладаетъ ни однородностью, ни непрерывностью, ни постоянствомъ отношеній; точнѣе—оно обладаетъ всѣмъ этимъ лишь отчасти. Въ различ-

ныхъ его частяхъ вещи представляются неодинаковыми: одна и та же вещь становится больше или меньше—смотря по разстоянію, такой или иной формы—смотря по положенію относительно глаза. Находясь близко, предметы являются рельефными, вдали они теряютъ рельефъ, становятся плоскими, на извѣстномъ предѣлѣ—исчезаютъ. Это относится къ пространству глаза; пространство осязанія болѣе устойчиво, но въ общемъ оно сходно съ первымъ. Въ немъ величина и форма предметовъ также измѣняются въ зависимости отъ условій прикосновенія: то или иное положеніе рукъ при ошупываніи, вообще прикосновеніе тѣми или иными частями тактильной поверхности, а также обычное или необычное состояніе этой поверхности. Въ полости рта, при ошупываніи языкомъ одинъ и тотъ же предметъ представляется больше, чѣмъ при осязаніи руками; то, что гладко при прикосновеніи къ щекамъ, оказывается шероховатымъ для пальцевъ; то, что составляетъ два предмета, напр., два острія циркуля, для кожи пальцевъ, можетъ быть однимъ предметомъ для кожи лба или плечъ, и т. д. Вообще, неоднородность фізіологическаго пространства, неустойчивость его отношеній настолько привычны для насъ, что даже не привлекаютъ нашего вниманія, несмотря на крайнюю иногда фантастичность происходящихъ въ немъ превращеній.—Наконецъ, фізіологическое пространство всегда *ограничено*; это то, что мы называемъ «полемъ» зрѣнія или осязанія.

Не таково абстрактное пространство. Во всѣхъ своихъ частяхъ оно строго однородно; въ немъ все совершается непрерывно, и всѣ отношенія закономѣрны. Въ немъ вещи не мѣняютъ ни формы, ни величины безъ вѣшняго воздѣйствія, не появляются и не исчезаютъ безъ достаточныхъ основаній, не мѣняютъ своихъ свойствъ въ силу одного только положенія въ той или иной его области. Это пространство безконечно.

Въ фізіологическомъ пространствѣ звѣзды являются маленькими свѣтящимися точками съ расходящимися отъ нихъ измѣнчивыми полосками свѣта—лучами, съ непрерывными пе-

реливами цвѣта; эти точки существуютъ въ теченіе ночи и исчезаютъ съ наступленіемъ дня; разстояніе ихъ отъ глаза не больше разстояніи видимаго вдали лѣса или горъ. Въ абстрактномъ пространствѣ онѣ таковы, какими изображаетъ ихъ намъ астрономія въ своихъ подавляющихъ всякое воображеніе картинахъ...

Каково же взаимное отношеніе обоихъ видовъ пространства? Физиологическое пространство есть результатъ развитія; въ жизни ребенка оно лишь постепенно кристаллизуется изъ хаоса зрительныхъ и тактильных элементовъ. Это развитіе продолжается и за предѣлами первыхъ лѣтъ жизни: въ воспріятіи взрослого человѣка и разстоянія, и величины, и формы предметовъ устойчивѣе, чѣмъ въ воспріятіи ребенка. Я отчетливо помню, что мальчикомъ лѣтъ 5 разстояніе между землей и небомъ я воспринималъ, какъ величину въ 2 — 3 раза больше высоты двухъэтажнаго дома, и очень удивлялся, когда, забравшись на крышу, не нашелъ, чтобы замѣтно приблизился къ небесному своду. Такъ я ознакомился съ однимъ изъ *противорѣчій* физиологическаго пространства. Въ воспріятіи взрослого человѣка этихъ противорѣчій меньше, но они всегда есть.

Абстрактное пространство *свободно отъ противорѣчій*. Въ немъ одинъ и тотъ же предметъ, не подвергающійся достаточнымъ воздѣйствіямъ, не оказывается и больше, и меньше опредѣленнаго другого предмета, и такой и иной формы и т. д. Это пространство строгой законѣрности, всюду совершенно однообразной.—Существуетъ мнѣніе, что оно для всѣхъ вполне одинаково и не можетъ измѣняться. Априористы утверждаютъ, что за всю исторію человѣчества, поскольку она намъ извѣстна, «чистое пространство» (пространство, какъ форма интуиціи) не измѣнялось.

Но это послѣднее утвержденіе *фактически* невѣрно. Исторія показываетъ, что и абстрактное пространство есть результатъ развитія. Чтобы въ этомъ убѣдиться, нѣтъ надобности даже идти къ ребенку, къ дикарю, къ первобытному человѣку,

которыхъ апріористъ такъ охотно надѣляетъ абстрактнѣйшими изъ своихъ представленій. Достаточно обратиться къ философахъ древности и новаго времени.

Аристотель отрицалъ возможность пустого пространства, и въ то же время утверждалъ пространственную ограниченность вселенной. Такимъ образомъ для него пространство не являлось безконечнымъ, хотя безконечность времени онъ признавалъ.—Для Эпикура пространство въ самомъ себѣ заключало верхъ и низъ, чѣмъ онъ и объяснялъ движеніе потока атомовъ; такимъ образомъ абсолютное пространство было неоднородно. Въ сущности, кажется, только Кантъ достаточно отчетливо представилъ абстрактное пространство строго однороднымъ: только онъ установилъ впервые *относительность всякаго движенія*, а эта относительность есть именно прямое выраженіе всеобщей однородности пространства. Если пространство обладаетъ абсолютной однородностью, то движеніе А по направленію къ В и движеніе В по направленію къ А, очевидно, вполне тождественны — безъ отношенія къ другому тѣлу положеніе даннаго тѣла не можетъ различаться въ пространствѣ, всѣ части котораго совершенно одинаковы. Такъ какъ относительность всякаго движенія, однако, не сознавалась прежде, то мы съ полнымъ основаніемъ можемъ утверждать, что и абстрактное пространство людей того времени сохраняло еще нѣкоторые слѣды неоднородности *) Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что абстрактное пространство есть дѣйствительно результатъ познавательнаго развитія человѣчества.

Отношеніе фізіологическаго и абстрактнаго времени, въ общемъ, таково же, какъ отношеніе разсмотрѣнныхъ нами формъ пространства. Фізіологическое время по сравненію съ абстракт-

*) Исторія геометріи указываетъ также на различную степень абстрактности пространства у греческихъ и индусскихъ геометровъ. Одна и та же пара фигуръ для грека представляла случай равенства, а для индуса — случай симметріи. Аналогичныя различія имѣлись и въ ученіи о подобіи фигуръ.

нымъ неоднородно: оно течетъ неравномѣрно, то быстро, то медленно, иногда даже какъ будто перестаетъ еуществовать для сознанія—именно во время глубокаго сна или обморока; кромѣ того, оно ограничивается предѣлами личной жизни. Сответственно всему этому измѣнчива и «временная величина» однихъ и тѣхъ же явленій, взятыхъ въ фیزیологическомъ времени: одинъ и тотъ же процессъ, не испытывая никакихъ воздѣйствій, можетъ протекать для насъ «быстро» или «медленно», а иногда и совсѣмъ оказывается внѣ нашего фیزیологическаго времени *). Не таково время абстрактное («чистая форма созерцанія»): оно строго однородно и непрерывно въ своемъ теченіи, и явленія въ немъ выступаютъ въ строгой закономерности. Въ обоихъ своихъ направленіяхъ—въ прошломъ и будущемъ—оно безконечно.

Несомнѣнно, что время—не только болѣе общая, но и болѣе ранняя по генезису форма опыта, чѣмъ пространство **). Поэтому уловить слѣды историческихъ измѣненій по отношенію къ этой формѣ гораздо труднѣе, чѣмъ по отношенію къ пространству — даже абстрактное время повсюду на памяти исторіи является уже приблизительно сложившимся. Однако можно съ большимъ основаніемъ утверждать, что въ неразвитомъ мышленіи дѣтей или низко стоящихъ дикарей чистое время еще не обладаетъ характеромъ *безконечности*. Кромѣ

*) Любопытенъ въ этомъ отношеніи тотъ общезвѣстный фактъ, что скучно проводимое время, которое тянется въ непосредственномъ переживаніи страшно медленно, въ воспоминаніи кажется затѣмъ очень короткимъ. Попытку объясненія этого факта см. у Маха, „Analyse der Empf.“, глава XII, гдѣ дается и общій анализъ временныхъ ощущеній.

**) Rudolph Willy отождествляетъ даже фیزیологическое время съ *потокомъ опыта*, со смѣною переживаній различной широты и интенсивности („Время—это самый опытъ въ его теченіи“... См. „Krisis der Psychologie“, глава, посвященная критикѣ Маха). Для нашей цѣли вопросъ объ *элементахъ* фیزیологическаго времени значенія не имѣетъ.

того, вопросъ о *началѣ* времени существовалъ еще и для греческой философіи, а затѣмъ игралъ извѣстную роль въ патристикѣ. Но если этотъ вопросъ могъ выступать въ сознаніи мыслителей, то очевидно, что самая «форма созерцанія» не обладала еще той опредѣленностью и отчетливостью, какъ въ наше время.

Мы приходимъ къ такимъ выводамъ. Абстрактное пространство и время суть продукты развитія. На своихъ низшихъ стадіяхъ они сохраняютъ частью и такія особенности фізіологическаго пространства и времени, которыя на высшихъ стадіяхъ совершенно или почти совершенно теряютъ. Очевидно, чистыя «формы созерцанія» возникаютъ *изъ* фізіологическаго пространства и времени. Но какимъ способомъ? Это можно выяснитъ путемъ сравненія тѣхъ и другихъ формъ.

Абстрактное пространство и время характеризуются тѣмъ, что въ нихъ *устранены все противорѣчія* фізіологическаго пространства и времени, такъ что опытъ *гармонизированъ*, согласованъ въ различныхъ своихъ частяхъ. Это достигается путемъ устраненія неоднородности фізіологическаго пространства и времени, путемъ внесенія въ нихъ непрерывности, и путемъ ихъ мысленнаго расширенія за предѣлы всякаго даннаго опыта.

Далѣе, абстрактное пространство и время *объективны*, т.-е. существуютъ не только для данной личности и въ данныхъ ея переживаніяхъ, но для всѣхъ познающихъ, обладаютъ *общезначимостью*; въ этомъ они также представляютъ противоположность фізіологическому пространству и времени, у которыхъ окраска субъективная, значеніе индивидуальное, ограниченное.

Всѣ эти различія очень глубоки и важны, но на основаніи предыдущаго мы не должны придавать имъ абсолютнаго характера: если абстрактныя формы пространства и времени сложились въ процессѣ развитія, то и ихъ специфическія особенности на каждой данной ступени развитія принадлежатъ имъ лишь постольку, поскольку эти формы дѣйствительно уже

сложились. Такимъ образомъ, какъ мы видѣли, въ мышленіи древнихъ не достигалась въ такой мѣрѣ, какъ въ современномъ, ни однородность пространства, ни его безграничность; и, слѣдовательно, объективность, т.-е. общезначимость, нашихъ «формъ созерцанія» не безусловна по отношенію къ древнимъ, а также и наоборотъ.

Это приводитъ насъ къ слѣдующему важному положенію: объективность или общезначимость данныхъ формъ пространства и времени относится въ дѣйствительности только къ существамъ, до извѣстной степени близкимъ по степени своего познавательнаго развитія *). Выѣстъ съ тѣмъ неизбѣжно выступаетъ вопросъ о происхожденіи этой объективности. Оно же неразрывно связано съ происхожденіемъ другихъ особенностей абстрактнаго пространства и времени.

Какимъ путемъ возможенъ для познающей личности переходъ отъ постоянно неоднородныхъ, лишенныхъ непрерывности и всегда ограниченныхъ пространственныхъ и временныхъ *воспріятій* къ однороднымъ, непрерывнымъ, безгранично развертывающимся *абстрактнымъ формамъ* пространства и времени? Только однимъ путемъ — *черезъ общеніе съ другими людьми.*

Въ индивидуальномъ опытѣ время течетъ иногда быстро, иногда медленно, иногда какъ-будто прерывается. Измѣняется

*) Я понимаю, что это положеніе можетъ вызвать въ душѣ читателя интенсивное чувство противорѣчія. Мы такъ привыкли представлять себѣ, что и все другіе люди, прошлаго, настоящаго и будущаго,—и даже животныя живутъ „въ томъ же пространствѣ и времени, что и мы“. Но привычка—не доказательство. Безспорно, что *мы* мыслимъ этихъ людей и животныхъ въ *нашемъ* пространствѣ и времени; но чтобы *они* мыслили себя и насъ въ *той же самой* пространствѣ и времени, это ни изъ чего не слѣдуетъ. Конечно, поскольку ихъ организациіи вообще сходны съ нашею, и поскольку ихъ высказыванія намъ понятны, мы можемъ предположить и у нихъ сходныя, но не тождественныя съ нашими „формы созерцанія“.

временная мера опыта, и все переживания мѣняютъ свой темпъ. Что могъ бы создать изъ этого совершенно отдѣльный отъ другихъ людей познающій индивидуумъ — этотъ вѣчный Робинзонъ философіи? Все, что угодно, только не то, что для насъ требуется — однородность и непрерывность абстрактнаго времени. Воспоминанія означеннаго Робинзона обрываются на извѣстной границѣ; что онъ могъ бы вывести изъ этого? Все, что угодно, только не безконечность времени. — Но безчисленные высказыванія другихъ людей, заполняя пробѣлы и сглаживая неровности его личнаго опыта, убѣждаютъ его въ томъ, что перерывы въ теченіи процессовъ природы, существующіе для него, не существуютъ для другихъ, и съ успѣхомъ могутъ быть замѣнены ихъ опытомъ, что замедленія и ускоренія въ теченіи опыта также «не объективны», т.-е. не сходятся съ опытомъ другихъ людей, и съ пользою могутъ быть выравнены соотвѣтственно этому чужому опыту. *Согласуя свои переживания съ переживаниями другихъ людей, создалъ человекъ абстрактную форму времени.*

Совершенно невѣрно представленіе большинства психологовъ о томъ, что будто-бы простое наблюденіе періодичности естественныхъ процессовъ, напр., движенія солнца, достаточно, чтобы создать идею равномернаго теченія времени. Періодичные процессы природы въ воспріятіи дикаря идутъ также неравномерно: когда онъ доволенъ, солнце движется быстрее, все кругомъ происходитъ въ болѣе живомъ темпѣ, когда ему скучно — солнце движется медленно, и все окружающее замедляетъ свой темпъ. И это вполне понятно для дикаря: вѣдь онъ анимистъ, и представляетъ всю природу по образу и подобию себя самого; онъ знаетъ, что онъ ходитъ иногда быстро, иногда медленно, въ зависимости отъ настроенія; и солнце, съ его точки зрѣнія, также мѣняетъ въ зависимости отъ настроенія свою небесную походку. Только высказыванія другихъ людей, для которыхъ нерѣдко время течетъ быстро тогда, когда для него медленно, и наоборотъ, только эти высказыванія ведутъ къ выработкѣ идеи однороднаго времени.

Что касается пространства, то въ личномъ опытѣ верхъ и низъ постоянно неоднородны, всѣ тѣла мѣняють свои свойства и характеръ движенія въ зависимости отъ того, приходится ли направлять къверху или книзу ихъ движеніе. Только такой поздній результатъ коллективнаго опыта, какъ представленіе о шарообразности земли и о паденіи тѣлъ къ ея центру, даетъ возможность принять принципиальную однородность всѣхъ направленій пространства; а для тѣхъ людей прошлаго, которые думали, что антиподы невозможны, потому что нельзя людямъ ходить вверхъ ногами, пространство, очевидно, не было однороднымъ.

О безконечности пространства въ индивидуальномъ опытѣ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи.

Слѣдовательно, о пространствѣ приходится сдѣлать тотъ же выводъ, что и о времени: оно есть форма соціальнаго согласованія опыта различныхъ людей.

Всѣмъ этимъ рѣшается для насъ и вопросъ о генезисѣ объективности пространства и времени. Поскольку въ опытѣ различныхъ людей оказываются *согласованными* пространственные и временныя отношенія, постольку отношенія эти и пріобрѣтають общезначимость, т.-е. объективность.

Итакъ, что же означаютъ въ концѣ концовъ абстрактныя формы пространства и времени? Онѣ выражаютъ *соціальную организованность опыта*. Обмѣниваясь безчисленными высказываніями, люди непрерывно устраняють взаимно противорѣчія своего соціальнаго опыта, гармонизируютъ его, организуютъ его во всеобщія по значенію, т.-е. объективныя формы. Дальнѣйшее развитіе опыта идетъ уже на основѣ этихъ формъ и необходимо укладывается въ ихъ рамки.

Въ наше время экономисты и социологи уже затрудняются примѣнять въ анализѣ нелѣпую фигуру Робинзона. Но экономическій Робинзонъ все-таки болѣе возможенъ, чѣмъ познавательный, этотъ невѣроятный солипсистъ, который чаще всего выступаетъ героемъ гносеологическихъ анализовъ, который познаетъ совершенно самостоятельно отъ другихъ людей и лишь

при помощи разных тонких уловок успѣваетъ перебраться за предѣлы своего «внутренняго міра» въ болѣе просторный міръ, «виѣшній», гдѣ обыкновенно и начинается создавать различныхъ фетишей: «матерію», существующую независимо отъ нашего опыта, а также иныя «субстанціи». Кто изъ людей и когда интеллектуально жилъ и развивался внѣ соціальнаго опыта, внѣ среды «высказываній»? Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ наше время человѣкъ получаетъ абстрактныя формы опыта почти готовыми въ своей наслѣдственной психической организаціи. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что и соціально-сложившіяся формы могутъ въ долгомъ ряду поколѣній приобрести прочность, подобную прочности другихъ біологическихъ образований, ту прочность, которая выражается въ органической наслѣдственности. При этомъ соціально-сложившіяся формы опыта окажутся дѣйствительно «а priori» опыта индивидуальнаго; и такой, соціально - эволюціонный, апіоризмъ допустить вполне возможно. Но надо помнить, что опытъ людей не можетъ быть всецѣло и безусловно уложенъ въ рамки этихъ сложившихся формъ: шагъ за шагомъ онъ можетъ измѣнять ихъ, что, какъ мы видѣли, и происходило на самомъ дѣлѣ.

V.

Теперь у насъ есть исходная точка для рѣшенія болѣе общаго вопроса—о физическомъ и психическомъ мірѣ.

Общую характеристику «физической» области опыта представляетъ, какъ мы указали, объективность или общезначимость. Къ физическому міру мы относимъ исключительно то, что считаемъ объективнымъ; и если затѣмъ оказывается, что отнесенное такимъ образомъ переживаніе субъективно, т.-е. не обладаетъ дѣйствительною общезначимостью, то мы немедленно переносимъ его въ сферу психическаго, подъ именемъ, напр., галлюцинаціи, иллюзіи, сновидѣнія; а если научныя привычки мышленія у насъ недостаточно сложились, то мы

это переживаніе можемъ просто признать непостижимымъ, чудомъ, и т. под., другими словами,—перестаемъ познавательнo къ нему относиться.

Вопросъ о происхожденіи объективности физическаго міра послѣ предыдущаго не долженъ представлять большихъ затрудненій. Та согласованность коллективнаго опыта, которая выражается въ этой «объективности», могла явиться лишь какъ результатъ прогрессивнаго согласованія опыта различныхъ людей при помощи взаимныхъ высказываній. Объективность физическихъ тѣлъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ своемъ опытѣ, устанавливается въ конечномъ счетѣ на основѣ взаимной повѣрки и согласованія высказываній различныхъ людей. Вообще, физическій міръ—это социальнo-согласованный, социальнo-гармонизированный, словомъ — *социальнo-организованный опытъ*. Вотъ почему онъ нераздѣленъ для насъ отъ абстрактнаго пространства и времени—этихъ основныхъ формъ, въ которыхъ выражается социальная организованность опыта.

Здѣсь возможно такое возраженіе: въ цѣлой массѣ случаевъ мы убѣждаемся, и съ полнымъ основаніемъ, въ объективности различныхъ внѣшнихъ предметовъ помимо всякихъ чужихъ высказываній. Если я ушибъ ногу о камень, неужели объективность этого камня будетъ подлежать для меня сомнѣнію, пока я не дождусь чужихъ высказываній относительно этого камня? Но такой аргументъ основанъ на недоразумѣніи.

Объективность внѣшнихъ предметовъ всегда сводится къ обмѣну высказываній *въ конечномъ счетѣ*, но далеко не всегда—*непосредственно* на немъ основывается. Въ процессѣ социальнаго опыта складываются извѣстныя общія отношенія, общія закономерности (абстрактное пространство и время принадлежатъ къ ихъ числу), которыя характеризуютъ собою физическій міръ, которыя его охватываютъ. Эти общія отношенія, социальнo сложившись и упрочившись, по преимуществу связаны социальнoй согласованностью опыта, по преимуществу *объективны*. Всякое новое переживаніе, которое всецѣло согласуется съ ними, которое всецѣло укладывается въ ихъ

рамки, мы признаемъ объективнымъ, не дожидаясь ничьихъ высказываній: новый опытъ естественно получаетъ характеристику того стараго опыта, въ формы котораго онъ кристаллизуется.

Въ нашемъ примѣрѣ съ камнемъ, критеріемъ объективности камня является тотъ фактъ, что онъ находитъ себѣ мѣсто среди пространственной и временной послѣдовательности физическаго міра, какъ тѣло среди другихъ тѣлъ, и въ *причинной* связи съ другими явленіями этого ряда *). Камень оказывается среди «объективной» области опыта, и потому самъ выступаетъ для насъ, какъ нѣчто объективное. Но контроль развивающагося соціальнаго опыта стоитъ всегда надъ этой объективностью, и иногда отмѣняетъ ее. Домовой, который меня душитъ по ночамъ, обладаетъ для меня характеромъ объективности, быть можетъ, ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ камень, о который я ушибаюсь; но высказыванія другихъ людей отнимаютъ эту объективность. Если забыть объ этомъ вышемъ критеріи объективности, то систематическія галлюцинаціи могли бы образовать объективный міръ, на что здоровые люди врядъ ли согласятся.

*) Причинная связь представляетъ изъ себя болѣе поздній продуктъ социально-познавательнаго развитія, чѣмъ абстрактное пространство и время. На памяти исторіи она шагъ за шагомъ переходила отъ формы анимистической (причина явления — дѣйствіе скрывающейся за нимъ воли, духа) къ формѣ энергетической (причина явления — другое явленіе, съ нимъ соизмѣримое, количественно ему эквивалентное, безъ остатка въ него переходящее). О различныхъ стадіяхъ этого развитія см. мои работы „Основ. элементы историч. взгляда на природу“, 1898 г., и „Познаніе съ историч. точки зрѣнія“, 1901. См. также В. Оствальда — „Натуръ-философія“ (1901 года, русск. переводъ 1902 г.).

Въ своей новѣйшей фазѣ, „энергетической“, причинность пріобрѣтаетъ тотъ характеръ *однородности* отношеній между явленіями опыта, который раньше выработался въ „объективныхъ“ формахъ пространства и времени. Что касается до *непрерывности* и *безконечности*, то эти черты были уже давно общи

Итакъ, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ характеризовать физическій міръ, какъ соціально-организованный опытъ. Какова же въ такомъ случаѣ должна быть характеристика «психического»?

Область психики характеризуется прежде всего тѣмъ, что психическія переживанія одного лица не обладаютъ общезначимостью по отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ. Мои воспріятія и представленія, взятыя въ ихъ непосредственности, существуютъ только для меня, и лишь косвенно приобрѣтають познавательное значеніе для другихъ людей, да и то только отчасти. То же самое относится къ моимъ эмоціямъ и стремленіямъ. Всѣ эти факты «внутренняго опыта» отличаются величайшей несомнѣнностью—но только для меня, только для того, кто ихъ переживаетъ. Они «субъективны», т.-е. не согласованы съ переживаніями другихъ людей, не приведены въ гармонію съ ихъ опытомъ, и потому не имѣють для другихъ людей «объективнаго» характера. Они лишены той *соціальной организованности*, которая свойственна физическому опыту.

Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что и психическое соціально сообщается отъ однихъ людей другимъ при

причинному ряду съ временнымъ и пространственнымъ (хотя и не всегда въ немъ имѣлись).

Во всякомъ случаѣ, причинная связь — болѣе сложное образованіе, чѣмъ абстрактное пространство и время, и *ихъ уже предполагаетъ*; поэтому намъ и нѣтъ надобности специально останавливаться на ея соціальномъ генезисѣ. Юмъ, который сводилъ причинную связь только къ привычнымъ послѣдовательностямъ опыта, былъ, конечно, неправъ, и правъ былъ Кантъ, указывая, что изъ привычныхъ послѣдовательностей нельзя получить *общеобязательности* (общезначимости) причинной связи. Но и Юмъ имѣлъ полное основаніе отрицать *абсолютную общезначимость* причинной связи,—тутъ ошибка была на сторонѣ «гносеологін» Канта. Рѣшить же вопросъ не могли ни тотъ, ни другой, такъ какъ стояли на почвѣ индивидуализма въ опытѣ и познаніи, а *соціально-генетическая* точка зрѣнія была чужда имъ обоимъ.

помощи высказываній — мимики, рѣчи, искусства. Сообщать свои переживанія другимъ еще не значитъ — достигать согласованности, гармоніи ихъ съ чужими переживаніями; отъ этого психическій опытъ отдѣльнаго лица еще не становится интегральной, органической составной частью коллективного опыта, онъ остается личнымъ опытомъ *).

Однако, психическій опытъ не является просто неорганизованнымъ, хаотическимъ. Хотя въ меньшей степени, чѣмъ опытъ физическій, но онъ обладаетъ извѣстной связностью, согласованностью. Его элементы *ассоцируются* — это его специальная форма организациі; воспріятія, представленія, стремленія группируются въ опредѣленные цѣпи и комплексы; наконецъ, все это объединяется около одного, наиболѣе прочнаго и устойчиваго комплекса воспоминаній, чувствъ и стремленій — того комплекса, который обозначается словомъ «я». Иначе говоря, и психическое организовано, но только не социальное, а индивидуально: это индивидуально-организованный опытъ.

Во избѣжаніе путаницы терминовъ, я замѣчу, что и опытъ индивидуальный можетъ быть организованъ социальное, и опытъ социальный можетъ быть организованъ индивидуально. Для астронома, только что открывшаго комету, эта комета пока еще только индивидуальный комплексъ элементовъ опыта; но такъ какъ онъ немедленно укладываетъ ее въ рамки социальное-организованнаго опыта, ставитъ въ общую связь этого опыта

*) Различіе между простой социальностью опыта, выражающейся въ его передачѣ отъ людей къ людямъ, и его социальной организованностью, совпадающей съ „объективностью“, можно пояснить аналогіей изъ экономическаго міра. Въ мѣновомъ обществѣ трудъ, несомнѣнно, социаленъ, потому, что одни работаютъ для другихъ, и наоборотъ, что и обнаруживается въ обмѣнѣ товаровъ; но это не значитъ еще, чтобы трудъ былъ социальное-организованъ, т.-е. чтобы трудовыя дѣйствія людей были социальное согласованы, гармонизированы. Напротивъ, мѣновое производство всегда характеризуется, какъ неорганизованное, „анархическое“.

и согласуетъ съ другими его данными, то это его индивидуальное переживаніе сразу оказывается составной частью социаль-но-организованнаго опыта, въ данномъ случаѣ — астрономическаго міра. Наоборотъ, черезъ высказыванія другихъ людей человѣкъ усваиваетъ себѣ значительную часть социальнаго опыта; но поскольку онъ ассоціативно объединяетъ этотъ социальный опытъ съ другими психическими переживаніями около своего «я», постольку организуетъ его индивидуально; тогда этотъ опытъ является всецѣло психическимъ, и относится, напр., къ сферѣ личной памяти.

Возможно еще одно терминологическое недоразумѣніе. Могутъ сказать: психическое познается, подобно физическому; существуетъ наука психологія, и психологическіе законы; эта наука и эти законы выработаны социаль-но, и органически входятъ въ систему общественнаго познанія, стало быть, психическій опытъ социаль-но организуется—въ формѣ этихъ законовъ, и не есть только опытъ индивидуаль-но-организованный. — Но это возраженіе легко устраняется выясненіемъ понятій «закона» и «опыта».

Законы отнюдь не принадлежатъ къ сферѣ опыта, къ сферѣ непосредственныхъ переживаній; законы — результатъ познавательной обработки опыта; они не даны въ немъ, а создаются мышленіемъ, какъ средство организовать опытъ, гармонически согласовать его въ стройное единство. Законы — это *абстракціи познанія*; и физическіе законы такъ же мало обладаютъ физическими свойствами, какъ психологическіе — свойствами психическими. Ихъ нельзя относить къ тому или другому ряду опыта; а потому если они сами и образуютъ социаль-но-организованную систему, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы была социаль-но-организована и охватываемая ими область опыта. Они получаютъ изъ опыта путемъ отвлеченія; а можно вѣдь отвлечься, между прочимъ, именно отъ того, что дѣлаетъ данный опытъ социаль-но-неорганизованнымъ. Какъ разъ такъ и обстоитъ дѣло съ психологіей и ея законами: она отвлекается отъ *данной* конкретной личности,

отъ ея даннаго, отдѣльнаго «я», имѣть дѣло съ психической личностью вообще. Но именно данное отдѣльное «я», конкретность данной отдѣльной личности и есть то, что дѣлаетъ ея опытъ организованнымъ индивидуально, а не соціально.

Резюмируемъ. Антитеза физическаго и психическаго ряда переживаній сводится къ различію опыта соціально-организованнаго и опыта, организованнаго индивидуально.

VI.

На основаніи предыдущаго насъ не можетъ бодѣ удовлетворять установленная Махомъ и Авенаріусомъ формулировка различій между физическимъ и психическимъ; мы не будемъ говорить о рядѣ «независимомъ» и рядѣ, зависимомъ отъ системы *C*; держась терминовъ Авенаріуса, мы должны были бы говорить о рядѣ, зависимомъ отъ «конгрегальной системы» (соціальной), и о рядѣ, зависимомъ отъ индивидуальной системы *C*. Но и такая характеристика еще недостаточно выражаетъ идею о *типѣ организаціи* того и другого ряда; между тѣмъ сущность дѣла заключается именно въ типѣ организаціи.

Теперь для насъ не представляютъ особыхъ затрудненій тѣ «вопросы дуализма», которые мы должны были поставить эмпирио-критическому монизму. Если въ единомъ потокѣ человѣческаго опыта мы находимъ двѣ принципиально различныхъ закономерности, то все же обѣ онѣ вытекаютъ одинаково изъ нашей собственной организаціи: онѣ выражаютъ двѣ біологически-организующихъ тенденціи, въ силу которыхъ мы выступаемъ въ опытѣ одновременно какъ особи, и какъ элементы соціальнаго цѣлаго. На вопросъ, почему этихъ типовъ организаціи опыта только два, мы скажемъ: ищите отвѣта въ біологической и соціальной исторіи человѣка; она расскажетъ вамъ, какъ въ борьбѣ за существованіе возникла родовая жизнь человѣка, какъ обособлялась въ ней личность, и въ то

же время развертывалась все болѣе широкая связь социальная, и, наконецъ, какъ развивались, приспособляясь все къ той же борьбѣ, человѣческія формы мышленія съ ихъ современной двойственностью. При этомъ разрѣшится также вопросъ о томъ, почему одни комплексы элементовъ опыта выступаютъ иногда въ физическомъ, иногда въ психическомъ ряду, а другіе—только въ психическомъ: исключительно психическими являются комплексы эмоціональные и волевые, т.-е. тѣ переживанія, которыя, по условіямъ социальной и внутри-социальной борьбы, наиболѣе различно направлены въ различныхъ людяхъ.

Но если такимъ образомъ раньше поставленные вопросы дуализма теряютъ свою остроту, оказываясь принципиально разрѣшимыми, то тѣмъ настоятельнѣе требуетъ себя вниманія новый, вытекающій изъ этого ихъ рѣшенія вопросъ: каково относительное значеніе обоихъ типовъ организаціи опыта, какъ оцѣнить ихъ съ точки зрѣнія развитія, какой судьбы надо ожидать для cadaго изъ нихъ въ случаѣ дальнѣйшаго прогресса человѣческой жизни? Вопросъ очень сложенъ, и можно надѣяться пока только на очень приблизительное его рѣшеніе,—но нѣкоторыя данныя для этого рѣшенія имѣются.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ можно наблюдать взаимное соотвѣтствіе и гармонію обоихъ рядовъ опыта — физическаго и психическаго, и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ—ихъ взаимную конкуренцію и даже противорѣчія. Гармонія и соотвѣтствіе обнаруживаются наиболѣе непосредственнымъ образомъ тамъ, гдѣ воспріятія и представленія, какъ принято говорить, «правильны» или «соотвѣтствуютъ самимъ вещамъ», такъ что физическое тѣло и его психическій образъ въ достаточной степени «совпадаютъ», чтобы не получалось практическихъ и теоретическихъ недоразумѣній. Наоборотъ, когда воспріятія или представленія «неправильны», «не соотвѣтствуютъ вещамъ», когда человѣкъ испытываетъ «иллюзію», принимая одну «вещь» за другую, или переживаетъ «галлюцинаціи», «ошибки памяти», или просто «не понимаетъ», съ

какой вещью имѣть дѣло, то онъ, съ одной стороны, можетъ неудачно реагировать практически, такъ что получаетъ отъ данной «вещи» различные вредныя воздѣйствія, съ другой стороны—оказывается неприспособленъ теоретически, т.-е. его высказыванія порождаютъ противорѣчія въ другихъ людяхъ, а также и въ немъ самомъ, поскольку онъ усвоилъ себѣ коллективный опытъ. Это тѣ формы, въ которыхъ наиболѣе непосредственно проявляется взаимное несоотвѣтствіе, дисгармонія опыта социальнo-организованнаго съ опытомъ, организованнымъ индивидуально, ряда физическаго съ рядомъ психическимъ.

Менѣе непосредственно выступаютъ гармонія и противорѣчія обоихъ рядовъ опыта въ процессѣ ихъ *познанія*, ихъ систематизаціи путемъ обобщенія и различенія. Здѣсь гармонія сводится къ тому, что и физическое, и психическое подводятся подъ однѣ и тѣ же обобщающія формы—«категоріи» или «законы», противорѣчіе начинается тамъ, гдѣ это не удастся. Наприм., поскольку познающій подчиняетъ и физическое, и психическое единому закону причинности, постольку оба ряда гармонически объединяются въ познаніи; поскольку онъ подводитъ физическое подъ категорію причинности, а психическое—подъ категорію «свободы», т.-е. необусловленности, или представляетъ причинныя цѣпи обоихъ рядовъ абсолютно раздѣльными, нигдѣ не сливающимися, постольку передъ нами противорѣчіе физическаго и психическаго ряда въ видѣ «дуализма», т.-е. невозможности для познанія довести до конца свою объединяющую и обобщающую тенденцію.

Иногда противорѣчіе физическаго и психическаго принимаетъ форму ихъ конкуренціи. Это наблюдается и непосредственно—тамъ, гдѣ человекъ, какъ это бываетъ при нѣкоторыхъ патологическихъ состояніяхъ, считаетъ «реальное» за «кажущееся», дѣйствительность — за иллюзію, или, наоборотъ, принимаетъ за физическую реальность образы сновидѣній, галлюцинаціи, и т. под.; тогда область «физическаго» или «психическаго» прямо расширяется въ личномъ опытѣ за счетъ